

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Валерий Медведев

ТИРЕ-ТИРЕ-ТОЧКА

*Издательство
„Детская литература“*

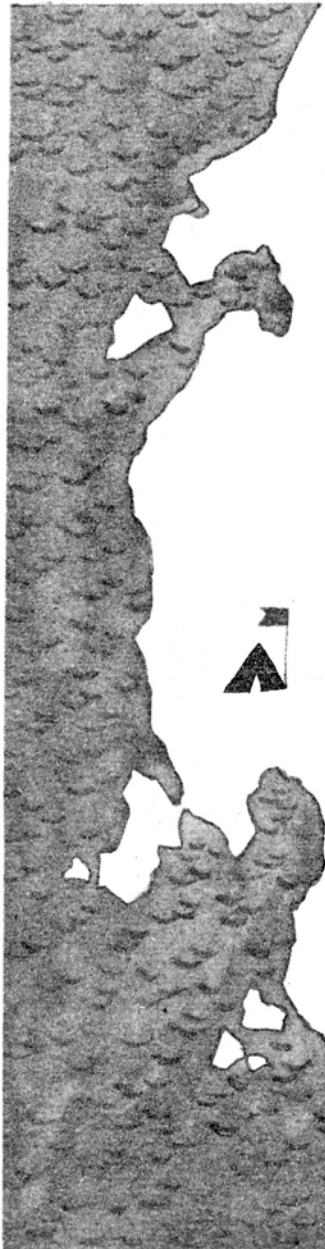

ВАЛЕРИЙ МЕДВЕДЕВ

Повесть и рассказы

Рисунки А. Тамбовкина

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1973

Тот, кто читал мою повесть «Баранкин, будь человеком», знает, что я весёлый человек. А кто прочитает повесть «Тире-тире-точка», тот убедится в том, что я не только весёлый, но и серьёзный.

И в жизни я очень люблю весёлых людей и очень люблю серьёзных. Но серьёзных людей я люблю таких, которые, говоря о самых серьёзных вещах, могут и пошутить и посмеяться, — одним словом, развеселить вас.

Поэтому книга эта так и составлена, что за героя повести «Тире-тире-точка» можно серьёзно поволноваться, а с героями рассказов можно и улыбнуться и посмеяться.

Автор

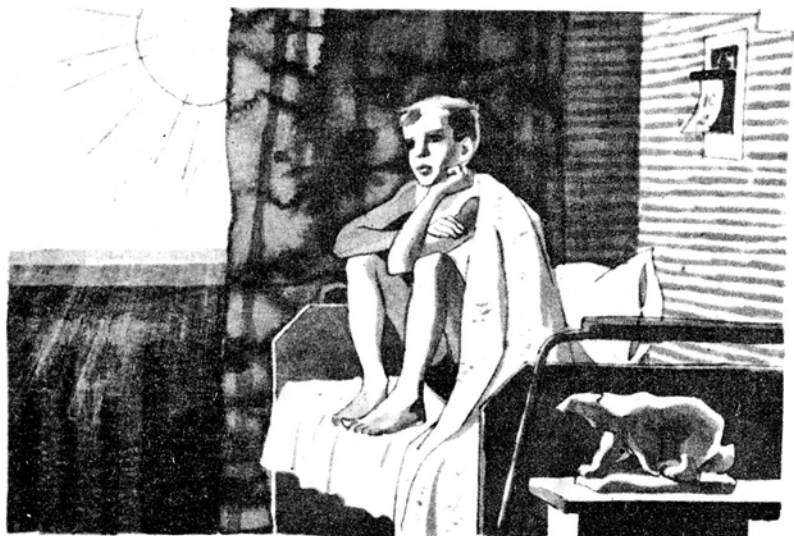

Повесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1973 г.

Произведения, помеченные звездой(*), вышли до 27/V-73 г.

Т И Р Е - Т И Р Е - Т О Ч К А

ПАПИНА АНТАРКТИДА

ДЕВЯНОСТО ШЕСТЬ ЧАСОВ ОЖИДАНИЯ

Пятый день от полярного лётчика Евгения Ерохина не приходило в Москву никаких известий.

Все эти дни сын Ерохина Женька просыпался задолго до прихода почтальона. Проснувшись в своей комнате, оклеенной обоями в синюю и белую, как матросская тельняшка, полоску, он долго и молча смотрел на календарь. Часами разглядывал на стене карту Антарктиды в ожидании звонка в прихожей. Утренний звонок означал появление почтальона с отцовскими радиограммами.

Полгода звонок звонил почти что каждый день. И вдруг замолчал. Вместо звонка в передней пятое утро звякает крышка почтового ящика и на пол, шурша, падают газеты. А Женька с мамой ждут радиogramмы уже давно — четыре дня! Это если считать на дни, а если сосчитать на часы, то выходит, что они ждут гораздо дольше. Женька умножил в уме двадцать четыре часа на четыре дня, и получилось, что они с мамой ждут девяносто шесть часов.

Это если считать только на часы, а если на минуты? Женька попытался умножить девяносто шесть часов на шестьдесят минут, но для этого ему немного не хватило образования, поэтому он нахмурился и перевёл взгляд на потолок...

У Женьки Ерохина были такие голубые глаза, что во всём городе Москве ни у кого не было, наверное, глаз голубее.

И хотя Женька на это не жаловался, в глубине души он ужасно расстраивался. Мальчишка всё-таки! Будущий мужчина. Сын полярного лётчика. А что он видит в зеркале, когда причёсывается? Не мужественный угрюмый взгляд, а какие-то, как говорит мама, «анютины глазки». Хоть в зеркало на себя не смотри. Или причёсывайся с закрытыми глазами... Конечно, может, в далёком научно-фантастическом будущем голубоглазые мальчишки смогут перекрашивать свои глаза в чёрный цвет, а пока Женьке приходится часто хмуриться. Однажды он заметил, что если голубые глаза немного прищурить, то они превращаются в синие! А если взять и совсем насупиться, то они даже становятся почти что чёрными...

Когда Женька смотрит долго на белый потолок «почти что чёрными глазами», то ему начинает казаться, что он летит высоко-высоко над Антарктидой. Белизна потолка напоминает снег, а тени на потолке от замысловатых линий оконных занавесей — очертания берегов. Одна тень вычертила бе-

реговую линию моря Амундсена, другая — остров Росса, а третья похожа или на Берег Правды, или на Берег Китовой Бухты.

Женька перевёл взгляд на стену, где висит большая карта Антарктиды, и начал сравнивать. Но в это время в передней раздался звонок, которого Женька с мамой ждали четыре дня, вернее, девяносто шесть часов!

— Радиogramмы! — крикнул Женька, срываясь с постели и со скоростью антарктического циклона врываясь в переднюю. — Радиogramмы!

За Женькиной спиной раздались торопливые маминьы шаги. И когда он распахнул входную дверь, мама уже была в прихожей, а на пороге стояла почтальон. В руках у почтальона было много радиogramм, так непривычно много, что мама испугалась. И Женьке стало как-то не по себе, он даже забыл нахмуриться и тревожно смотрел большими голубыми глазами...

Почтальон молча протянула Валентине Николаевне газету «Правда» с портретом лётчика Ерохина на первой странице и целую пачку радиogramм.

— А мне? — спросил Женька сурово.

— А тебе, как всегда, отдельная! Держи!.. А теперь распишись...

Женька вывел в книжке почтальона свою подпись, взял в одну руку радиogramму, в другую — газету «Правда» и впился глазами в фотографию. На фотографии Женькин папа стоял со своим экипажем возле самолёта «ЛИ-2», упрятав руки в боковые карманы кожаной куртки и сдвинув на лоб меховой шлемофон. Выше фотографии была помещена записка под названием «Кергеленский циклон и подвиг лётчика Ерохина». Записка начиналась словами: «Уже не раз лётчик Ерохин сажал самолёт на осколки разбитых штормами ледяных аэродромов, приводил ночью тяжёлые машины на одном двигателе, взлетал во время ураганов...»

И ЦИКЛОН НЕ ЦИКЛОН, И АНТАРКТИДА НЕ АНТАРКТИДА

Газетная заметка о папином подвиге вообще-то произвела на Женьку впечатление. Одно только не понравилось — слишком короткая. Зато радиограмма отца, которую Женька ждал с таким нетерпением и даже тревогой, его просто расстроила и огорчила.

Женькин отец не писал ничего о своём подвиге, и про отвагу в радиограмме тоже не было ни словечка. И вообще он обо всём писал так, как будто там, в Антарктиде, совсем не произошло ничего особенного и героического. Просто ветер был посильнее, чем обычно, а видимость похуже, чем всегда, и мороз покрепче, поэтому лететь было немного потруднее, а сейчас опять всё по-старому — все живы-здоровы, и всё хорошо, и ветер стал потише, и видимость получше, и мороз послабее, и летать опять будет полегче. И ещё он писал Женьке то, что пишут все отцы своим сыновьям: чтобы Женька слушался маму и не расстраивал её, и ещё, что он очень соскучился по Женьке и очень ждёт от него ответа...

Интересно получается! Газеты пишут одно, а папа совсем другое. В газете говорится и про подвиг, и про ураган, и про мороз, а у папы в письме и ветер не ветер, и мороз не мороз, и ураган не ураган, и подвиг совсем не подвиг, и вообще Антарктида какая-то совсем не Антарктида!

Сначала Женька огорчился и даже обиделся: и на газеты, и на папу, и на папины письма, но когда мама стала читать вслух радиограммы от начальника экспедиции и от зимовщиков, Женька сразу же перестал обижаться и повеселел. Потому что ветер, по словам зимовщиков, оказался не просто ветром, а тем страшным ураганом, что возникает всегда в районе острова Кергелен и дует со скоростью 270 километров в час, и условия для полёта были, как говорят лётчики, «минимум на пределе», и всё-таки,

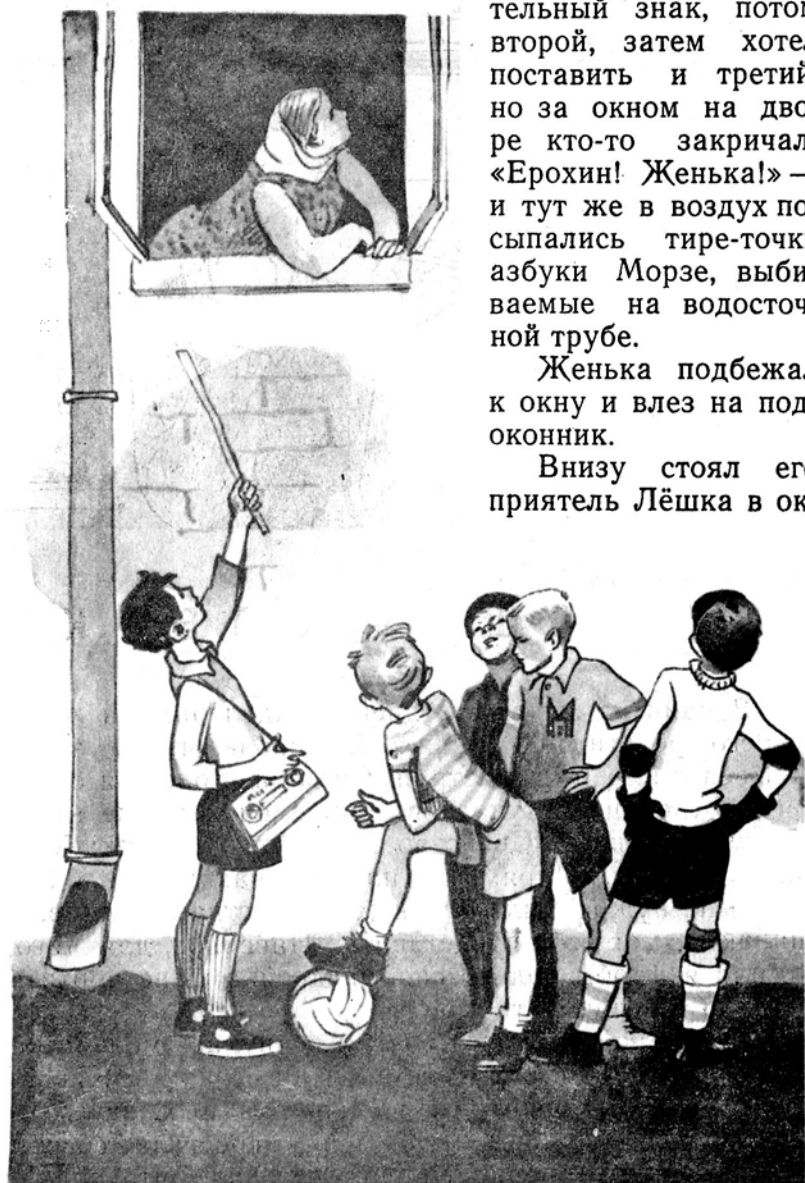
несмотря ни на что, Ерохин поднял машину с зимовщиками в воздух и принял в условиях урагана смелое решение: уйти в глубь Антарктиды и посадить машину на ледниковое плато. И ушёл! И посадил машину в сумерках среди трещин. А потом три дня в холодном фюзеляже лётчик Ерохин и зимовщики вместе переживали пургу, пока экипаж Борисова не сбросил горючее и запасные части...

Как раз в это время зазвонил телефон, и мама начала разговаривать сначала с женой второго пилота, потом с женой папиного штурмана, потом с родственниками зимовщиков. Но всего этого Женька уже не слышал. При первом же звонке он влетел в свою комнату, сел за стол и, взяв заранее приготовленный мамой бланк для ответной радиограммы, написал большими буквами: «ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ ПАПЧКА!!»

Немного подумав, он поставил восклицательный знак, потом второй, затем хотел поставить и третий, но за окном на дворе кто-то закричал: «Ерохин! Женька!» — и тут же в воздух посыпались тире-точки азбуки Морзе, выбиваемые на водосточной трубе.

Женька подбежал к окну и влез на подоконник.

Внизу стоял его приятель Лёшка в ок-

ружении футбольной команды двора и палкой выбивал морзянку. На плече у него висел маленький транзистор.

— Про отца твоего передают! Слышишь? — заорал Лёшка, пуская свой приёмник во всю силу.

«...Уже не раз лётчик Ерохин сажал самолёт на осколки разбитых штормами ледяных аэродромов...» — проговорил маленький приёмник громким дребезжащим голосом.

По радио передавали статью из газеты о подвиге лётчика Ерохина. Во дворе стало тихо. Даже девчонки перестали визжать на площадке.

«...Приводил ночью тяжёлые машины на одном двигателе... — продолжал басыть на весь двор приёмник... — взлетал во время ураганов...»

Все слушали: и мальчишки и девчонки; из подъезда вышла лифтьерша, из окон повысовывались соседи, и все смотрели при этом на Женьку так, как

раньше на него никто не смотрел. А потом заиграла музыка.

— Выходи! — крикнул Лёшка. — Устроим футбольный салют!

Кто-то пнул мяч, и он взлетел свечой высоко в воздух.

— Нет! — крикнул Женька. — Я должен папе ответ написать.

— Тогда семьдесят три! — крикнул Лёшка и выбил эту цифру на трубе по азбуке Морзе, потому что эта цифра означает у радистов «счастливо».

— Вам тоже семьдесят три! — крикнул Женька, высекая тире-тире-точки из железного подоконника.

Он спрыгнул на пол и, заложив вокруг комнаты глубокий вираж, пошёл на посадку к столу.

ЛЕДНИКИ АНТАРКТИДЫ ШЛЮТ ЖЕНЬКЕ ПРИВЕТ

Обычно ответы на радиogramмы отца не вызывали у Женьки особых раздумий. В них описывал он и разные происшествия, и подробное содержание новых кинофильмов, и перечень вымененных у ребят редких марок, и репортаж футбольных сражений «Московских пингвинов» (так в честь Антарктиды называли свою футбольную команду ребята с Женькиного двора).

Но сегодня, написав слова «Здравствуй, дорогой папочка!!», Женька вдруг почувствовал, что после всего, что случилось там, в Антарктиде, он должен, он обязан ответить совсем по-другому.

Отложив ручку, он заглянул в мамину комнату. В комнате было тихо. Мама уже сидела за столом и писала. Тогда Женька прошёл на кухню, облокотился на подоконник и задумался. Было слышно, как рядом в ванной комнате из крана падает вода. Удивительней всего, что вода падала не просто так, а по

самой настоящей азбуке Морзе: то быстро-быстро — точками, то помедленней — знаком тире.

Тире-тире-точка... тире-тире-точка...

Под стук капельной радиограммы Женька стал разглядывать двор, на котором шла та самая жизнь, что ещё вчера почему-то казалась Женьке потрясающе интересной. Тяжело вздохнув, он вернулся в свою комнату, выходящую окнами на улицу Горького.

На перекрёстке возле светофора стояла жёлто-красная машина с надписью «Техпомощь». Сидя в металлическом гнезде, трое рабочих натягивали провод, оборванный троллейбусом.

Женька уже повернулся, чтобы отойти от окна, как вдруг увидел что-то такое, от чего Женькины голубые глаза стали сразу почти что чёрными. Вообще-то ничего особенного не произошло. Просто из-за угла на улицу Горького выехала машина, гружённая льдом. И никто, вероятно, кроме Женьки, не обратил на это внимания. Потому что грузовик вёз лёд. Самый обыкновенный лёд в магазины или в ларьки с мороженым. Но для Женьки Ерохина грузовик вёз в своём кузове не просто лёд. Он вёз в своём кузове Антарктиду! Папину Антарктиду! Её было совсем немало, этой гружённой в машину Антарктиды, — может быть, три, а может, даже и целых четыре тонны.

Машина приближалась к дому. Лёд таял под горячим московским солнцем.

Он летел на асфальт мокрыми, быстро высыхающими тире-тире-точками, словно посылая Женьке радиограмму, может быть, от ледника Шеклтона или Эймери, а скорей всего от ледника Денмана, где Женькин папа разыскал заблудившихся зимовщиков.

— Перехожу на приём! — прошептал Женька, хватая карандаш и торопливо записывая прямо на подоконнике трассирующие тире-точечные знаки.

Он записывал до тех пор, пока грузовик со льдом неожиданно не свернул в переулок. Прикусив нижнюю губу, Женька быстро расшифровал радиogramму, подумал о чём-то, принял какое-то решение. Затем, приписав ниже по той же азбуке Морзе: «Мама! Я скоро вернусь!» и цифру «73!», он подбежал к шкафу.

Открыв створку, он достал с полки компас и надел его на руку, на плечо повесил набитый чем-то тяжёлым рюкзак, затем надвинул на беленькую чёлку синий берет, прищурил глаза и тихо, так тихо, чтобы не отрывать маму от письма, вышел на лестничную площадку.

Сбежав торопливо по лестнице, он миновал двор, вышел на улицу и, смешавшись с московскими пешеходами, бесстрашно зашагал навстречу ответу на папино письмо.

ЧТО ТАКОЕ РАЙОН АНТАРКТИДЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАЙОРА МИЛИЦИИ

Женькино исчезновение мама заметила не сразу. Заглянув в его комнату, она увидела на столе, за которым он обычно готовил уроки, лист бумаги со словами: «Здравствуй, дорогой папочка!!»

Ещё ни разу не уходил Женька из-за стола, не дописав ответ на папину радиogramму, поэтому в первые секунды Валентина Николаевна больше удивилась, чем встревожилась. Она знала, каким важным для Женьки был этот ответ на папино письмо после такого долгого молчания. Тем более, что завтра с Шереметьевского аэродрома улетали в Антарктиду знакомые лётчики. А Женька с мамой давно уже заготовили для папы большую посылку. Оставалось только вложить в неё ответы на последнюю радиogramму, и вдруг Женька исчез, не сказав ни слова.

Может быть, его вызвал кто-нибудь из приятелей во двор по срочным мальчишеским делам? Эта мысль немного успокоила её, но прошёл час, затем другой и третий, а Женька всё не появлялся, и взволнованная Валентина Николаевна выбежала во двор.

Лифтёрша, к которой она обратилась с расспросами, не только не успокоила её, но встревожила ещё больше. По словам лифтёрши, Женька с рюкзаком за спиной часа уже три как прошмыгнул на улицу.

— Как — с рюкзаком? Почему с рюкзаком? Не может быть! — возразила Валентина Николаевна, на что лифтёрша только пожала плечами.

Дома в шкафу рюкзака не было, не оказалось там и ружья для подводной охоты, и это совсем расстроило Валентину Николаевну.

По дороге в милицию она только и думала о всяких несчастных случаях. Все мамы, если их сыновья исчезают без спроса, всегда думают о несчастных случаях.

Дежурный по отделению милиции, пожилой майор в очках, выслушал Валентину Николаевну внимательно, рассматривая Женькину фотокарточку.

— Будем искать! — сказал он, снимая телефонную трубку и не отрывая глаз от фотографии мальчугана, который смотрел на него нахмурившись и упрямо оттопырив нижнюю губу.

— Где... искать? — спросила Валентина Николаевна, зная хорошо, где ищут и куда в таких случаях звонят.

— Будем искать... в районе Антарктиды. Где же ещё искать сына героя? — сказал майор. — Раз с рюкзаком убежал — значит, в Антарктиду!

Валентина Николаевна увидела лежавшую на столе майора газету с фотографиями участников предстоящего перелёта Москва — Мирный. Под фотографией был нарисован маршрут и помещена статья под названием «Прыжок через континенты».

— Вы имеете в виду... это? — спросила Валентина Николаевна, не сводя глаз с газеты.

— Ну что вы! — сказал майор. — Я не в буквальном смысле.

Затем он соединился с дежурным по городу и, доложив о происшествии, некоторое время ждал каких-то сведений, прижав плечом телефонную трубку к уху и поглядывая изредка поверх очков на Валентину Николаевну.

Было слышно, как на том конце провода быстро заговорил низкий мужской голос, и майор, который вначале был серьёзен и даже суров, к концу разговора весело улыбнулся и положил трубку.

— Ну вот, — сказал он, — я же вам говорил, что его надо искать именно в районе Антарктиды!

И хотя Валентина Николаевна твёрдо знала, что, пока майор молча слушал дежурного по городу, тот человек на другом конце провода просматривал в это время страшные списки, и то, что майор, тоже зная об этом, ни разу не произнёс слова «несчастный случай» или «больница», успокоило Валентину Николаевну. «Если ничего страшного ещё не случилось, — подумала она, — то уже и не случится». И она первый раз за всё это время улыбнулась. А майор, который, вероятно, понял всё, что творится в душе Женькиной мамы, тоже улыбнулся и сказал:

— Не волнуйтесь, уже дана команда по всем отделениям милиции, по аэропортам и вокзалам... Так что разыщем! Не волнуйтесь, по возможности конечно...

Майор записал номер телефона Валентины Николаевны и, проводив её до двери, добавил на прощание:

— Я, когда в детской комнате работал, знаете сколько мальчишек из этих «Антарктид» повозвращал домой... Да что говорить, когда молодой был, сам на Северный полюс убегал!.. В общем, разыщем. Вокзалы, они отзовутся. Дело проверенное!..

ВОДЯТСЯ ЛИ В АНТАРКТИДЕ ЗАЙЦЫ...

Проводив Валентину Николаевну, дежурный по отделению соединился по телефону с подразделением полярной авиации аэропорта Шереметьево.

— Это кто? Трофимов? Слушай, Трофимов, там завтра с вашего аэродрома улетают в Антарктиду «перелётные птицы». Кто у вас начальником охраны? Ты?.. Тогда у меня к тебе вот какой вопрос. Скажи мне, пожалуйста, водятся в Антарктиде зайцы или нет? Что? Не знаешь?.. Я тебя не про пингвинов спрашиваю, а про зайцев... Не знаешь? Ну, так я тебе скажу: зайцев нет в Антарктиде! Не водятся зайцы там, но имей в виду: могут завестись... Почему могут? А потому, что тут один мальчишка из дома сбежал, а отец его в Мирном. Лётчик Ерохин, слышал про такого? Читал в газете?.. Ну, так вот, есть у меня подозрение, как бы его сын не оказался в Антарктиде первым антарктическим «зайцем»... Точно! А теперь запиши приметы и, в случае чего, звони сразу же! А то здесь мать с ума сходит!..

ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ МАЛЬЧИК

НАКОНЕЦ-ТО!

Прошёл день. Наступил вечер. Уже все отделения московской милиции, все детские комнаты знали об исчезновении Жени Ерохина. Уже всю Москву обшарил Женькин приятель Лёшка с командой «Московских пингвинов». Уже не раз и не два было передано по радио на московских вокзалах и в аэропортах сообщение о пропаже мальчика с рюкзаком, в синем берете, особые приметы следующие... Но московские вокзалы и аэропорты не отзывались. Молчал вокзал Савёловский, молчал Павелецкий, молчали вокзалы Ленинградский, Ярославский и Казанский, молчали аэропорты Быково, Внуково,

Домодедово... Молчал аэропорт Шереметьево — аэропорт, с которого через сутки должны были подняться самолёты, взяв курс на Антарктиду. Напрасно лейтенант Трофимов пытался угадать первого антарктического «зайца» среди ребят, глазевших на самолёты из-за ограды аэродрома. Исчез Женька Ерохин, пропал без вести сын лётчика, и никто на свете не видел и не слышал, что за радиограмму принял он сегодня утром, глядя из окна на тающий тире-тире-точками лёд. Никто не знал, какое он выбрал в ту минуту решение и почему так таинственно исчез, даже не написав ответа на папину радиограмму...

Майор нервничал.

Уже в который раз на звонок Валентины Николаевны он отвечал:

— Нет, нет, к сожалению, пока ещё никаких известий не поступило!

Снова зазвонил телефон, и женщина, назвавшая себя стрелочницей московской пригородной дороги, сообщила, что, судя по приметам, она не только видела сегодня утром мальчика в берете, с рюкзаком за плечами, но и разговаривала с ним.

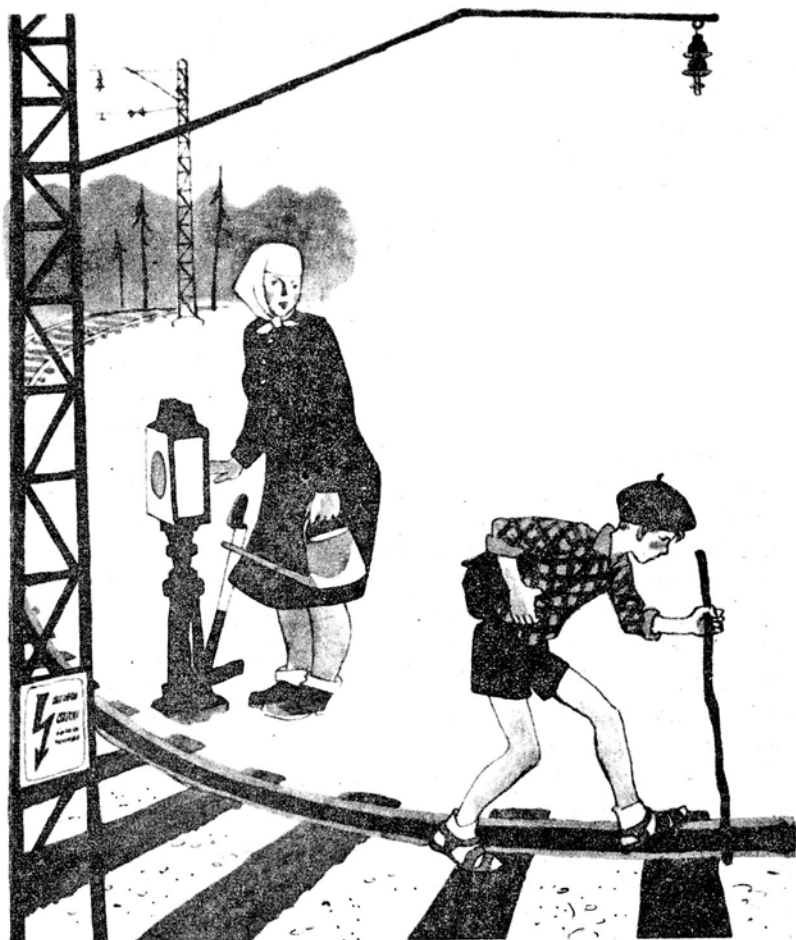
— Наконец-то! — сказал майор. — Слушаю вас!

И СНОВА ИСЧЕЗ В НЕИЗВЕСТНОМ НАПРАВЛЕНИИ...

Мальчуган шёл от Москвы в направлении Химок по путям, перешагивая со шпалы на шпалу. Иногда он останавливался и внимательно осматривал рельсы, постукивая по ним обыкновенным молотком. Дежурная стрелочного поста Ховрино, чистившая стрелочный перевод, ещё издали заметила мальчишку в синем берете, с рюкзаком за плечами.

— Ты это что на путях потерял? — спросила она.

Мальчуган остановился и хмуро посмотрел на стрелочницу.

- Что потерял, спрашиваю?
- Ничего не потерял.
- Тогда чего ищешь? Ищешь чего, спрашиваю?
- Трещину! — сказал мальчишка после очень долгого молчания.
- Какую ещё трещину?
- Мальчишка снова долго молчал, потом сказал:
- Трещину... от которой бывают крушения.

Стрелочница осмотрела мальчугана с ног до головы, поправила платок и сказала:

— Я, конечно, в Москве видела, как вы постоянным помогаете движением руководить, но чтобы за нас рельсы инспектировать — первый раз вижу.

Мальчишка, прикусив губу, молчал.

— По общественной линии или от себя ищешь трещины?

— От Терра Инкогнита... — пояснил мальчишка.

— От кого, от кого?

— От Терра Инкогнита!

— Это что же, такая организация, что ли?

— Почему организация? Это Земля неизвестности! — сказал мальчик, удивлённый тем, что взрослая тётенька ничего не знает о такой потрясающей земле. — Это же южнополярная область! Шестая часть света! Она примыкает к Южному полюсу! Определённых границ не имеет! — Мальчишка говорил торопливо, стараясь одним духом выложить всё, что знал об этом удивительном материке. — В неё входят моря Уэнделла, Беллинсгаузена, Росса. Флора и фауна исключительно бедны и значительно уступают Арктике...

— Ну вот что, инкогнито, — перебила стрелочница захлёбывающегося от переполнявших его знаний мальчишку. — Давай-ка с пути! Искатель трещин! У меня тут скоро «Красная стрела» пойдёт! Давай без разговоров! Нашёл место, где лекции читать...

— Значит, вы его с пути прогнали? — спросил майор.

— Да на глазах-то он меня вроде и послушался — сбежал в кювет, — пояснила стрелочница. — А там, за поворотом, может, опять на рельсы вышел. Кто его знает...

— А несчастных случаев у вас не было?

— Нет, этого не было.

— В котором часу вы с ним разговаривали?

— Да ещё утро было.

— Куда он направился, вы не заметили?

— За кустами не видно было. Может, обратно в Москву, а может, и в Химки...

Положив трубку, дежурный подошёл к карте. «А паренёк-то двигался по направлению к Шереметьевскому аэродрому, — подумал про себя майор. — Только давно это было, очень давно. Утром, а сейчас уже вечер... А за это время с «искателем трещин» ой-ёй-ёй что могло произойти...»

В это время на столе снова зазвонил телефон.

— Товарищ дежурный! — сказал мужской голос. — Тут нас в депо оповещали насчёт паренька...

— Слушаю вас! — сказал майор.

ПРЯТАТЬСЯ НАДО ТОЖЕ ГРАМОТНО

Парнишка стоял, широко расставив ноги, крепко держась правой рукой за лямку рюкзака, и, прищурившись, смотрел в приоткрытую дверь депо, где стояли пожарные машины.

«Сейчас будет пробираться внутрь», — подумал оперативный дежурный.

Дежурный не ошибся. Лишь только его внимание отвлёк проходивший по двору капитан, парнишка, воспользовавшись этим, ловко проник в депо и стал красться по стенке вглубь.

Услышав за спиной подозрительный шорох, дневальный переступил порог и заглянул в депо. Стоя возле дверцы автоцистерны, мальчишка изо всех сил нажимал на ручку.

— Ну, куда ты полез? Куда? — сказал пожарный. — Неграмотно лезешь, это же автонасос, в нём и прятаться-то негде. Ну ещё в специальных, скажем, машинах — в автомобиле связи или службы освещения, — там можно, там хоть место есть. Эх, темнота!.. А ну давай на свет!

Пожарный вывел хмурого парнишку из депо.

— Теперь докладывай, — сказал он, — зачем в машину лез?

— На пожар надо, вот и лез, — честно признался паренёк.

— Что значит — надо?

— Надо, и всё!

— Да зачем надо-то?

— Ну, надо!

— Вот заладил: «надо»! Домой тебе надо, а не на пожар. Иди!

Мальчишка пошёл.

— Хотя стой!

Мальчишка остановился.

— Дам-ка я тебе один адресок на всякий пожарный случай! — сказал дежурный.

Паренёк недоверчиво обернулся и увидел, как пожарный написал что-то на листке бумаги и протянул ему со словами:

— Вот... Это тебе действительно надо.

Мальчишка пробежал глазами адрес: «Москва, 3-я Песчаная улица, дом 7/23 — Добровольное пожарное общество».

— Вот! Надо тебе сходить по этому адресу и поступить в дружину «Юный пожарник»... А как научишься, приходи, вместе на пожар поедем. Грамотно поедем! Как полагается! Тогда тебе и прятаться не надо будет.

Мальчишка осмотрел прищуренными глазами дневального и, заметив на его груди медаль, подошёл поближе. Шевеля беззвучно губами, он прочитал надпись на медали: «За отвагу на пожаре». Потом он хотел что-то спросить, но, видно, раздумал, повернулся, подтянул рюкзак и зашагал прочь. Потом опять повернулся и сказал:

— А я всё равно сегодня на пожаре буду!

— Не будешь.

— Почему это не буду?

— Потому, что сегодня пожара не будет. Сегодня выходной день. Сегодня огонь тоже отдыхает...

— В котором часу это было? — спросил дежурный по отделению.

— В шестнадцать ноль-ноль.

— А где ваша часть находится?

— В Химках. Военизированной № 1, улица Ленинградская, 17-а.

— Значит, в Химках?.. Понятно! Скажите, а случаев пожара в вашем районе не было?

— Да нет, вроде тихо было.

— Судя по приметам, парень это, конечно, тот самый.

— А вы ещё не разыскали его?

— Пока нет, но думаю, что скоро разыщем.

— Сигналы есть, товарищ дежурный?

— Нет. Сигналов нет, а предчувствие есть! Что-то вроде «дыма», а у нас дыма без огня, как и у вас, не бывает...

ОН ГОВОРИТ, ЧТО ЕГО ФАМИЛИЯ РЕПИН

— Слушай, Трофимов! Положение, значит, такое. Утром мальчугана видели в районе Ховрина, а днём — в Химках, значит, вечером должен быть у вас, в Шереметьеве! Некуда ему больше деться, чуёт моё сердце... Что? Как, поймали? Уже поймали?.. Ну что, Трофимов, говорил я тебе, что в Антарктиде обязательно будут водиться «зайцы»... с голубыми глазами. А как же! У меня же на них нюх, Трофимов, потому и сошлось! И приметы, говоришь, сходятся? Так всё и должно быть. Что, что не сходится? Ах, фамилия? Как, он говорит, его фамилия? Репин? А он не перепутал? Может, он Левитан? Или Суриков? Репин, значит? Ну ладно, я, когда на полюс бегал, тоже у какого-то композитора брал напрокат фамилию... В общем, Репин так Репин, давай его сюда, а то мать через каждые полчаса звонит.

Ровно через тридцать минут под окнами 10-го отделения милиции города Москвы раздался шум машины.

Подойдя к окошку, майор увидел, как из «газика» выпрыгнул мальчишка с рюкзаком и в сопровождении двух милиционеров направился к входным дверям, потом по коридору раздались торопливые шаги, дверь распахнулась, и на пороге появился лейтенант милиции с весёлым и довольным лицом.

— Товарищ майор! — отрапортовал он. — Разрешите ввести?

— А, Трофимов! Давай, давай, Трофимов, давай! — сказал майор, набирая номер квартиры Ерохиных.

— Старшина! — скомандовал лейтенант.

Сопровождающий милиционер ввёл в комнату мальчишку. Трофимов, довольный удачно проведённой операцией, посмотрел на майора, но по выражению его лица и по тому, как тот резко опустил телефонную трубку, понял, что произошло что-то непредвиденное.

— Не тот! — сказал майор.

— Как — не тот? — спросил Трофимов.

— Мальчишка не тот! Совсем не тот! Не Ерохин!

— Как — не Ерохин? — удивился Трофимов.

— Я же тебе говорил, что блондин, с голубыми глазами, беленький. И потом, фамилия-то не сходится. Ерохин нам нужен, а это Репин! Твоя фамилия Репин?

— Репин! — подтвердил черноглазый, шмыгая носом и кашляя.

— А может, Суриков или Левитан?

— Да Репин! — поправил майора паренёк, кашляя.

— Репин... В Антарктиду собрался, а сам кашляешь.

— Я не кашляю.
— А что же ты делаешь?
— Откашливаюсь.
— «Откашливаюсь»... Наверно, закалялся, как сталь, и вот... перезакалился. Ну ладно. Отведите этого Репина в детскую комнату, пусть там разберутся с этим... передвижником.

Старшина вышел с парнишкой из комнаты, а майор протянул Трофимову фотографию Жени Ерохина и сказал:

— Вот он какой.

Трофимов внимательно рассмотрел карточку:

— Действительно... не похож. Вот незадача.

— Где же его теперь искать? — задал вопрос майор и, сняв телефонную трубку, ответил сам себе: — В Химках... В Подольске... И далее везде!

ЖЕНЬКИНА АНТАРКТИДА

НОЧЬ

Над Москвой уже давно гроыхал гром. Ещё тогда, когда майор разговаривал с пожарным о Женьке Ерохине. А потом, когда Трофимов привёз из Шереметьева черноглазого Репина, в небе стали мигать зарницы, одна ослепительнее другой. Казалось, там, за тучами, кто-то всё время чиркает огромными спичками, которые вспыхивают, но не хотят загораться. Потом «спички» кончились, и на город пролился дождь. Дождь был в косую линию, как школьные тетрадки, очень холодный и очень шумный. Когда майор подошёл к окну, то он понял, что это не дождь, а град.

В это же время в квартире к окошку подошла Женькина мама и тоже стала смотреть на град.

А Лёшка, приятель Женьки Ерохина, тот даже влез на подоконник и, распахнув створки, подставил под град руку и тут же отдёрнул — несколько градин больно ударили его по пальцам.

Так в одно и то же время три человека в Москве подошли к окну и смотрели поздней ночью на град, а думали не о граде, а о Женьке Ерохине, и каждый, конечно, думал по-своему...

МАЛЬЧИК С ЛАСТАМИ НА НОГАХ

Старшая воспитательница детского сада, расположившегося в уютной даче на берегу Москвы-реки, встала в это утро пораньше. Осмотрев побитую градом стеклянную веранду, она вышла на пляж и, подойдя к лежавшей на берегу кверху килем лодке, присела на неё. После громовой ночи было тихо. На дереве в утренней тишине дятел неправдоподобно громко долбил кору, стряхивая с ветвей капли дождя. Женщина посмотрела на дятла и сказала:

— Вот получишь сотрясение мозга, тогда будешь знать!

Дятел перестал стучать, словно испугался. Затем послышалось какое-то неясное бормотание. На песок высунулись мальчишеские ноги в зелёных лягушачьих ладах, и из-под лодки донеслись загадочные слова:

— Море Росса! Китовая бухта! Залив Ригли! Спокойно, спасаю!..

Воспитательница приподняла борт лодки и чуть не ахнула. На песке, подстелив под себя лист фанеры, прибитый к заострённой палке, подложив под голову рюкзак, лежал паренёк в трусах, с ладами на ногах и с маской от акваланга, сдвинутой на лоб. Руки его были по-детски зажаты между коленями.

Мальчик спал, зябко посапывая носом. Клетчатая рубашка и куртка, заменявшие ему одеяло, спол-

зли на мокрый песок. Рядом с мальчиком на песке лежало ружьё для подводной охоты.

Воспитательница покачала головой, тронула паренька за плечо. Мальчуган дёрнулся, чмокнул губами, пробормотал загадочное слово «ренник-бей» и открыл глаза. Глаза у мальчишки были удивительно голубые. Хлопнув несколько раз ресницами, он остановил свой взгляд на женщине в белом халате, потом, словно вспомнив что-то, прищурился, быстро поднялся и, задрав голову, прислушался к стуку дятла.

— Кто передаёт? — спросил он.

— Что передаёт? — удивилась воспитательница.

— Радиограмму! Слышите? Тире, тире! Точка! Точка! Точка!

— Да это же дятел!

— Дятел? Ах, дятел... — Паренёк задрал голову и посмотрел на сосну.

— А ты что это? — спросила женщина. — Ты здесь под лодкой всю ночь пролежал?

Мальчик не ответил, хотя всё было ясно и без его ответа. Отодвинув в сторону фанерный щит с палкой, он снял с ноги ласту и стал вытряхивать из неё песок. На фанере была сделана какая-то надпись.

— А ну-ка одевайся скорее! — сказала воспитательница.

Мальчик дрожащими от озноба руками стал натягивать ковбойку.

Пока он путался в вороте рубахи, воспитательница успела прочитать надпись на фанерном листе:

*Спасательная станция
имени Антарктиды*

Наблюдательный пункт
МИРНЫЙ

— А когда будут купаться? — спросил мальчишка, продев голову в рубашку.

— Кто будет купаться?

— Ребята.

— Какие?

— Из вашего сада.

— Да ты что? Град всю ночь шёл, какое же купание? Одевайся скорее, я тебе в медпункте лекарств дам.

Парнишка взял в руки синие джинсы.

— А случаи бывали, чтобы кто-нибудь то-то-то-тонул? — спросил паренёк, выбивая зубами дробь. — Тут у вас глубокие ямы есть, я вчера проверял.

— Типун тебе на язык, мальчик! — рассердилась женщина. — Разве можно такие вещи говорить?

Спасительная операция
над Антарктидой
Успешно завершена
Мир Нейтралитет

— А если вода согреется?

— Я тебе сказала, что сегодня не будет никаких водных процедур... Завтра!

— Поздно... завтра, — сказал огорчённо мальчик, заикаясь от озноба. — Самолёты уже улетят!

— Какие ещё самолёты?

Женщина в белом халате повернулась к мальчику. Он уже оделся и стоял в ковбойке и синих джинсах, надвинув на лоб синий берет; концы ласт торчали из рюкзака, в одной руке он крепко держал ружьё для подводной охоты, в другой — фанерный щит. Из-за деревьев поднялось солнце. На сосне снова заморзил дятел. Паренёк посмотрел на небо и сказал:

— «Сегодня снялись в восемь три четверти утра. Холод стоял адский. При минус тридцати пяти градусов ветер три балла и метёт снег...»

Сказал и пошёл по песку вдоль берега.

— Какой снег? — спросила женщина, шагнув вслед за пареньком. — Это у тебя жар... Тебе нужно лечь в постель.

Жар здесь был ни при чём. Это были слова из дневника полярника Седова. Паренёк мог бы это объяснить тёте в белом халате, но он знал, что она снова начнёт говорить про лекарства, поэтому сначала пошёл быстрее, а потом побежал. Все они чуть что — сразу же начинают говорить о лекарствах.

Женщина шла следом и что-то ещё кричала ему, но мальчик уже был далеко. Опираясь на фанерный щит, он торопливо шагал по песку вдоль берега, осыпаемого тире-тире-точками дятлиных радиограмм...

НАЧАЛЬНИК СПАСАТЕЛЬНОЙ СТАНЦИИ...

К утру град на подоконнике растаял. Дежурный по отделению раскрыл створки окна, и в комнату хлынул свежий, пахнувший снегом воздух. На асфальте в луже купался воробей. Когда окно хлопнуло, мокрый воробей подпрыгнул, оторвался от воды и полетел непривычно тяжело, словно перегруженный самолёт.

«Ветра не было, — сказал громко под окном чей-то мужской голос, — и стало ясно, что взлёт будет трудным. Полный газ. Даю щитки на 30 градусов. Евгений Ерохин удерживает машину в горизонтальном положении...»

Услышав имя Евгения Ерохина, майор даже вздрогнул от неожиданности и оглянулся по сторонам.

Возле стены стоял паренёк с бледным, невыспавшимся лицом. На ремешке через плечо у него висел маленький радиоприёмник. Шла передача «Пионерской зорьки». Судя по всему, о подвиге Ерохина рассказывал кто-то из его экипажа.

«...Самолёт скользит по склону уже одной лыжнёй, а скорости отрыва нет. Неужели не оторвёмся? В это время собственным телом осязаешь машину, чувствуешь её, это уже живое существо... Неужели не оторвёмся?...»

— Ты чего? — спросил майор паренька.

— Я насчёт Ерохина... Насчёт Женьки.

«Жму на ручку газа, — сказал приёмник, — как будто из неё можно ещё что-либо выжать. Мгновенно перед нами вырастает каменная гряда...»

— А ты кто такой? — спросил майор.

— Лёшка я!.. Центр нападения «Пингвинов», а Женька — левый край...

«Выноси же, родная! — сказал приёмник. — Евгений Ерохин рвёт штурвал на себя, от себя, даёт щитки на 45 градусов...»

Майор помолчал, послушал ещё радиоприёмник и сказал:

— Вот что, Лёшка, сядешь сейчас в мотоцикл и объедешь с сержантом все места, где вы бывали с Женей.

Лёшка побежал за угол, унося с собой репортаж о полёте Евгения Ерохина. Майор отошёл от окна, отдал распоряжение, потом вернулся и проводил выскочивший из-за угла мотоцикл взглядом.

К столу его вернул телефонный звонок. Майор снял трубку и стал разговаривать.

В это время в комнату вошёл торопливо шофёр такси с портфелем в руках.

— Товарищ начальник, в машине клиент портфель оставил, — сказал шофёр. — В портфеле деньги, бумаги какие-то важные...

Потом в комнату вошли два дружинника, на столе снова зазвонил один телефон, другой...

В комнату заглянул дежурный милиционер. Майор, держа в руке телефонную трубку, разговаривал одновременно то с шофёром такси, то с дружинниками.

— Там из речной милиции мальчишку привезли, — сообщил дежурный, выждав удобный момент. — Входи, старшина!

Стоявший за порогом старшина вошёл в комнату вместе с пареньком в синем берете, с рюкзаком за плечами. В руках у паренька было ружьё для подводной охоты.

Майор оторвался от бумаг, встретился взглядом с мальчишкой... и перестал писать.

У мальчишки были удивительно голубые глаза, такие голубые, что голубее и быть не может, но вот он их немного прищурил, и они превратились в синие...

— Задержан у Клязьминского водохранилища, — доложил старшина. — Вот!.. — добавил он и протянул майору фанерный щит с надписью. — Спасатель-

ную станцию открыл на берегу. Так что закрывать пришлось силой...

Мальчишка нахмурился и посмотрел на майора почти что чёрными глазами.

*Спасательная станция
имени Антарктиды*

Наблюдательный пункт

МИРНЫЙ, —

прочитал майор на фанерном щите, потом ещё раз внимательно оглядел парнишку с ног до головы и спросил:

— А ты кем этой станции-то приходишься? Начальником, что ли?

Паренёк отвернулся от майора, взглянул исподлобья на старшину, доставившего его в отделение, и ничего не сказал.

— Проходи, проходи, — предложил мальчишке майор. — Теперь садись на скамейку. Я сейчас вернусь.

Паренёк прошёл за загородку, разделяющую комнату дежурного на две части, и сел на скамью. Через некоторое время из комнаты ушёл шофёр такси, вслед за ним ушли двое дружинников, затем, когда майор уже кончил телефонный разговор, его срочно вызвали в другую комнату. Он уже совсем было вышел из комнаты, но тут же вернулся, бросив подозрительный взгляд на паренька, подошёл к окну и почему-то закрыл его на два шпингалета.

Вернулся он минут через пять-шесть, подошёл к скамье, на которой сидел хмурый голубоглазый мальчуган, и развёл руками...

«Начальник спасательной станции имени Антарктиды», сжимая в руке ружьё для подводной охоты, спал, облокотившись на рюкзак. Хмурые брови его во сне разгладились, и теперь он перестал казаться

старше своих лет. Майор поднял с пола выпавший из руки мальчугана синий берет и положил его на скамью.

— Товарищ майор! — громко сказал дежурный милиционер, входя в комнату.

— Тише ты! — зашикал на него майор, делая свирепые глаза. — Не видишь — человек спит...

— Как освободитесь, — уже тихим голосом до-
рапортовал дежурный, — обязательно зайдите к на-
чальнику паспортного стола.

Майор кивнул головой, стараясь не шуметь, по-
дошёл к телефону, набрал номер и не очень громко
сказал в трубку:

— Валентина Николаевна, говорит майор Ере-
меев... Да, да, нашли! Да, да, здесь, у меня в комнате.

Что делает?... Да как вам
сказать... Отдыхает, спит!
Сейчас отправим... Где
нашли? В районе Антарк-
тиды, как я вам и говорил.
Да нет, на этот раз не да-
леко... Совсем рядом —
на берегу Москвы-реки.
Открыл там в единолич-
ном порядке спасатель-
ную станцию имени Ан-
тарктиды... Вот так... А за-
крывать, значит, никак не
хотел... Пришлось закры-
вать силой... Вот так... Од-
ним словом, ждите!

Майор положил труб-
ку как раз в то время, ко-
гда за его спиной раздал-
ся громкий стук.

Он оглянулся. Выпав-
шее из рук мальчугана ру-
жьё ударило об пол.

Мальчишка вздрогнул, проснулся, посмотрел вокруг себя ничего не соображающими глазами и... нахмурился.

„ВОТ ТЕ РАЗ — ДВА РАЗА!“

— Ну, Ерохин! — сказал майор. — С добрым утром, Женя Ерохин!..

— А вы меня откуда знаете? — спросил удивлённо мальчуган, соображая, уж не снится ли ему всё это.

— А я не только тебя знаю! — сказал многозначительно майор, разворачивая газету «Правда». — Я и отца твоего знаю.

Теперь Женька рассмотрел, что в руках у майора была вчерашняя «Правда» с фотографией Женькиного папы. Женька встал со скамейки и впился глазами в фотографию. И майор смотрел то на фотографию Женькиного отца, то на Женьку; то на Женьку, то на фотографию, словно сравнивал, похож ли Женька на своего отца или нет. Потом началось что-то совсем уж непонятное: майор полез во внутренний карман и достал из него Женькину карточку.

«Так вот откуда майор меня знает! — подумал Женька. — Но как у него могла появиться эта фотография?»

— И маму твою знаю! — сказал майор. — Хорошая у тебя мама! И отец хороший. Он от тебя сейчас в Мирном ответа на радиограмму ждёт, а ты...

Мальчуган отвернулся от майора, облизал пересохшие губы и посмотрел на графин.

— Ты пить хочешь? — Майор налил в стакан воды и протянул его шареньку. — А ты... чем занимаешься? — продолжал майор, глядя, как мальчишка жадно глотает воду. — Стрелочники мне звонят, пожарные звонят... Одни сообщают: Ерохин на путях трещины ищет, другие — что он в огонь лезет, тре-

ты — что он спасательную станцию имени Антарктиды открывает...

— Какие трещины? Зачем трещины? — переспросил Ерохин.

— Какие и зачем — это уж ты мне расскажи, — сказал майор.

— Я никакие трещины нигде не искал.

Майор пристально посмотрел Женьке в глаза.

Было не похоже, чтобы мальчуган говорил неправду.

— Как это не искал? — спросил он удивлённо.

— Так, не искал!

— Да тебя же стрелочница у Ховрина видела! И разговаривала с тобой.

— Не был я у Ховрина... И со стрелочницей не разговаривал.

— Подожди, подожди, как это не был? Что же это получается? Получается, значит, не ты трещины искал?

— Не я, товарищ майор!

В это время где-то вдалеке раздался глухой гром. Мальчишка внимательно прислу-

шался к нему и, глядя в недоверчивые глаза майора, ещё раз повторил:

— Ну честное антарктическое, не я!

Шум приближался.

— Ну, если честное антарктическое, тогда конечно... — Майор покачал головой и сказал: — А зачем ты в Химках в пожарную машину прятался?

Шум приближался. Он становился всё слышней и отчётливей. Теперь было ясно, что это бил в барабаны проходивший по улице пионерский отряд.

— Не был я в Химках, — сказал Женька. — И вообще нигде не прятался!

«Точка! Точка! Точка-тире-точка!» — говорили барабаны.

— Я всё время на Москве-реке был...

«Точка-тире-точка! Точка! Точка!» — били барабаны.

— Сначала я был у пионерского лагеря, потом у детского сада, а потом возле пансионата... А если я

ночью под лодкой лежал, так я тоже не прятался, я под неё от града залез...

Тире - тире - точечный марш гремел на далёкой улице, рассыпая во все концы города тысячи ребячьих радиogramм!

Майор с Женькой прислушались к барабанному бою.

— Значит, в пожарном депо тоже не ты был? — сказал майор. — На путях не ты, и в депо не ты... Вот те раз — два раза!

В отделении милиции даже стёкла дрожали от барабанных радиogramм.

— Товарищ майор! — крикнул дежурный мили-

ционер, входя в комнату. — Там ещё двух мальчишек привезли!

— Каких мальчишек?

— Да, говорят, вроде бы ещё двух Ерохиных.

Барабаны замолчали.

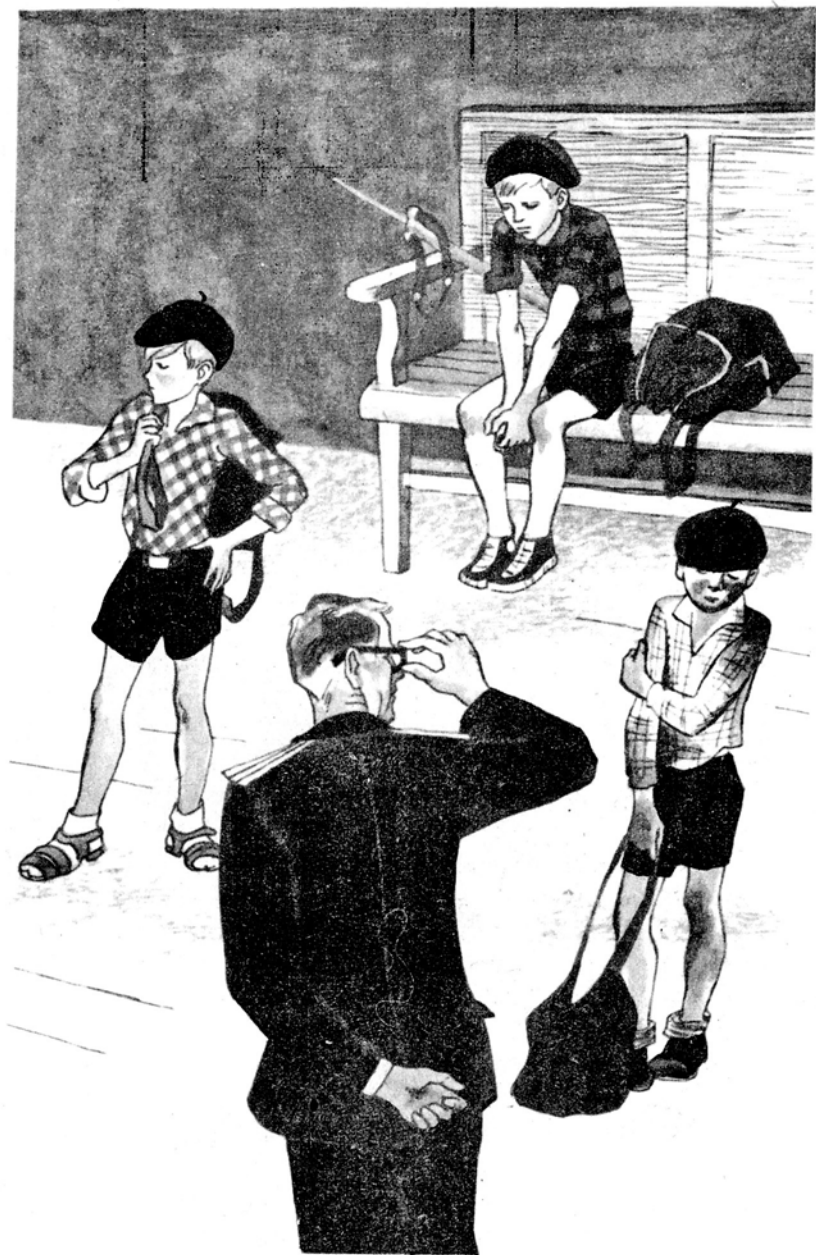
Майор и Женька посмотрели на открытую дверь, за которой были слышны приближающиеся шаги.

ВТОРОЙ ЕРОХИН... И ТРЕТИЙ ЕРОХИН

Пожарный был в полной форме. Брезентовая руба и штаны были перепачканы сажей и пахли дымом.

— Я вам о нём звонил, товарищ майор, — сказал пожарный, показывая глазами на стоящего рядом

паренька с измазанным лицом, в прожжённой ковбойке. — Сначала в машину прятался, а утром на пожаре встретились. Я его со второго этажа из горящего дома за шиворот вытаскиваю, а он кричит: «Меня не надо спасать, я сам спасаю!» Мы бы его, конечно, и сами домой отправили, так он ни имени, ни фамилии, ни адреса — ничего не говорит...

— Так, — сказал майор, переводя взгляд на стоящего рядом парня. — А это кто?

— Задержан при переходе железнодорожного моста! — отпартовал сержант.

— Можно, я ещё попью? — спросил тихо майора Женя Ерохин.

— Давай пей — и в машину, — сказал майор, не отрывая глаз от третьего Ерохина. — Значит, это ты трещины на рельсах ищешь?

— Какие трещины?

— От которых крушения бывают...

— Что я, маленький — трещины искать.

— Значит, опять не ты?

— Что значит «опять»? Я трещины никогда не искал.

— А что же ты искал на мосту?

— Что искал, то искал...

Стакан выскользнул из Женькиных рук и разбился.

Закрыв глаза, Женька прислонился к стене. Майор обернулся.

— Э, — сказал он, прикладывая руку к Женькиному лбу, — да у тебя, брат, температура... А ну, скорей в машину и домой! Фёдоров, — крикнул майор в открытую дверь, — давай его в машину!

— А можно мне на мотоцикле? — спросил Женя.

— С температурой-то? Нет, брат, давай в машину, а на мотоцикле в следующий раз... Ну, герои, будете сообщать свои адреса?

Это была последняя фраза, которую успел услышать Женька, выходя из комнаты майора.

ТИРЕ-ТИРЕ-ТОЧКА

Женька стоял рядом с мамой и прижимался к ней изо всех сил молча и так сильно, что ему было слышно, как громко бьётся её сердце. Наверное, мама была очень взволнована, потому что её сердце билось, словно по азбуке Морзе. Точка! Тире! Точка! И была она такая тёплая, и от неё так хорошо пахло её любимыми духами... А потом Женьке показалось, что это бьётся не мамино сердце, а это стучит дятел. Тире! Тире! Точка! Точка! Тире! А может быть, это стучит не дятел, а вода из крана или это тает лёд ледника Шеклтона, тает и падает в пропасть радиогаммой. Точка! Точка! Точка! И лёд пахнет мамиными духами. И откуда-то издалека доносится гром барабанов, тире-тире-точечный громовой марш, рассылая во все концы земли ребячьи

радиограммы. А потом совсем издалека, может быть, с ледового барьера Росса, донёлся папин голос: «Да он же весь в огне! Весь в огне! Весь в огне!» И сразу же почему-то запахло лекарством...

СЧАСТЛИВОГО ВОЗДУХА, ПАПА!

Очнулся Женька в постели через несколько часов. На тумбочке лежал термометр и стояло несколько пузырьков с приклеенными к ним рецептами.

Женька поднялся с постели и увидел на стуле две записки. Одну, написанную маминей рукой: «Женька! Я ушла в аптеку!» На другой была выведена цифра «73!». И подпись: «Лёшка Пингвин».

Чувствуя незнакомую слабость, Женька спустил ноги на пол, посидел немного, потом встал и медленно подошёл к письменному столу. На столе лежала недописанная радиограмма со словами: «Здравствуй, дорогой папочка!!»

Женька медленно опустился на стул и взял ручку.

Перо плохо слушалось его, оно спотыкалось на каждой букве. Женьке было жарко, так жарко, будто он писал не письмо, а пил горячий чай с малиной...

— А ну-ка марш в постель! — услышал Женька мамин голос.

— Я только последнее слово... — сказал Женька и медленно вывел: «Папочка! Счастливого воздуха! 73!»

Потом он вытер рукавом пижамы выступивший на лбу пот и лёг в постель. Когда Женькина мама вернулась из кухни, Женька уже крепко спал. Она подошла к столу, взяла в руки письмо сына и стала его читать.

ОТВЕТ ОТЦУ

Письмо было как письмо. Женька сообщал в нём папе о том, какую замечательную картину он смотрел на днях. Что «Динамо» обыграло «Спартак» в Лужниках и как они с другом Мишкой видели это собственными глазами. Потом он перечислил новые марки, описал подарок, который подарил маме в день её рождения. Написал, что скучает и что нового у него в жизни ничего не произошло...

Держа в руках радиограмму, Женькина мама подошла к постели и долго смотрела на своего сына. Она смотрела на него так, словно они встретились после большой разлуки. Потом она поправила одеяло и тихо вышла из комнаты. Уложив Женькино письмо в посылку, она оделась, закрыла квартиру на ключ. На улице Горького она остановила такси.

— В аэропорт Шереметьево! — сказала она водителю. — Очень прошу вас поскорее! Самолёт улетает через час...

ФОСФОРИЧЕСКИЙ МАЛЬЧИК

Мальчишка походил на шахматную пешку, одетую в школьный костюм. У него была круглая стриженная голова, узкие плечи, расхлывшийся книзу пиджак и большие, не по росту, ботинки.

— Знакомьтесь, — сказала класная руководи-тельница, — это наш новый ученик. Зовут его Толя. Фамилия — Сорокин.

— Шарокин! — поправил новенький учительницу.

— Да, да. Шарокин. Сидеть будешь, Толя, на третьей парте с Колей Дмитриевым, — сказала она и вышла из комнаты.

Класс молча рассматривал новичка. В одной руке новенький держал портфель, в другой — шахматную доску. Из бокового кармана его пиджака выглядывала пластмассовая коробка дорожных шахмат.

— Здравствуйте, ребята! — сказал Шарокин.

— Привет, Пешкин! — сказал Никодим (так сокращённо в классе звали Николая Дмитриева).

Все расхохотались, а Шарокин нисколько не обиделся на прозвище, которое прилипло к нему, как марка к конверту. Он, наоборот, рассмеялся вместе со всеми, чем и расположил к себе сразу весь класс.

В свободное от занятий время Толя Шарокин обычно подходил к кому-нибудь из мальчишек или девочек и говорил:

«Может, сыграем?» Играть никто не отказывался, так как в пятом «Б» все увлекались шахматами. Играл Шарокин, играл и незаметно обставил поодиночке весь пятый «Б».

Крепко игравший в шахматы пятый «Б» сначала удивился, а потом решил проучить Шарокина-Пешкина, чтобы он не очень задавался, и науськать на него «дракона». Драконом в пятом «Б» называли сеанс одновременной игры. Скажем, десять или пятнадцать человек против одного зарвавшегося. Ввиду необычайных побед Шарокина против него решено было выставить весь класс. Все тридцать огнедышащих шахматных голов. Но Шарокин не испугался и «дракона». Он потёр свою круглую башку и выиграл у своих одноклассников все тридцать партий.

Общительная Света Брунова первой залетела с этой вестью сначала в пятый «А», потом в пятый «В». Поэтому новость о потрясающей победе Шарокина-Пешкина распространилась по всей школе со скоростью Светы. Все ребята отнеслись к этому известию с некоторым недоверием, а чемпион пятого «А» по шахматам Генка Слонов позволил себе даже съехидничать:

— В поддавки, наверно, играли?

Услышав такие разговоры, Толя Шарокин зашёл после уроков в пятый «А», потёр стриженую голову и сказал Слонову:

— Может, сыграем?

Слонов не удостоил Шарокина даже взглядом. А услужливый Котя-Мотя (Костя Мотовилов) пришёл в ужас:

— Да ты знаешь, кому ты бросаешь вызов? Он же у нас чемпион! — сказал Котя-Мотя.

— Ай пешка! Знать, она сильна, что лает на Слона! — сказал весёлый и находчивый Чуркин.

А начитанный Игорь Муратов посмотрел на Шарокина сверху вниз и сказал, как Суворов о Наполеоне:

— Далеко шагает, пора и унять молодца!

— И уйму! — сказал Слонов, поднимаясь из-за парты. — Я его сейчас уйму! Для начала я ему дам фору! И в придачу королевский гамбит! А потом пешками закидаю!

Заинтересованные стороны уже давно окружили Шарокина и Слонова живым забором.

— Правильно, Слон! — кричал пятый «А». — Дай этому Пешкину гамбитом по организму!

— Пешкин! Не трусь! — кричал пятый «Б». — За одного гамбитого двух негамбитых дают!

— Зачем по организму! — кричал Слонов, потрясая шахматной доской. — Я его по самому слабому месту! Я его по мозгам!

С этими словами Слонов разложил шахматную доску прямо на полу и даже сделал первый ход: e2—e4.

Пятый «Б» думал, что Пешкин ответит Слонову ходом королевской пешки или дебютом четырёх коней, но Толя вместо этого сказал:

— Знаешь, Гена, никакой форы мне от тебя не надо, а если ты всерьёз принимаешь мой вызов и даже обещаешь дать мне по мозгам, тогда я должен подготовить свои мысли к бою.

— Ну и готовь! — сказал великодушно Слонов. — Когда приготовишь, свисти!

Шарокин, видно, не хотел терять ни минуты, поэтому он тут же достал из портфеля книжку Сима-

гина «Атака на короля» и разложил на подоконнике доску, а Слонов в сопровождении ребят пошёл в школьный буфет и купил три бутерброда с сёмгой.

За завтраком шахматные страсти остыли, и вдумчивая Наташа Звонкова сказала:

— А вообще этот Шарокин, по-моему, очень серьёзный соперник.

Весёлый и находчивый Чуркин сказал:

— Все гении были маленького роста и большой работоспособности!

Начитанный Муратов добавил:

— Трудно в учении, легко в бою!

А прямодушный Николюкин Коля спросил Слонова в упор:

— Слон, ты почему сейчас занимаешься тем, что ничем не занимаешься?

— Как это ничем? — обиделся Слонов. — Я занимаюсь фосфором свои мысли!

— А почему ты не готовишь их к бою? — спросила вдумчивая Наташа.

— Потому что самое главное в мысли — это фосфор!

— А кто это тебе сказал?

— Школьный календарь читать надо! — сказал Генка Слонов, доставая из кармана отрывной листок. — Вот. «Фосфор — элемент жизни и мысли», — прочитал он вслух название заметки. — Элемент мысли! Улавливаете?

У Шуры Гусева была любимым предметом химия, поэтому все вопросительно посмотрели на него. Шура подумал и сказал:

— Вообще-то фосфор — сила! Это точно!

— Значит, чем больше жуёшь, тем больше готовишься? — усомнилась вдумчивая Наташа.

— Точно!

— Слишком просто, — сказала Наташа.

— Всё великое просто! — сказал услужливый Котя-Мотя.

— Только вы Пешкину об этом ни гугу, — прошептал Слонов, — это тайна!

— Ну что ты, Гена! — сказал прямодушный Николюкин. — У нас ведь вообще-то тоже есть в голове фосфор...

— Фосфор, он тоже разный бывает, — сказал Слонов. — Первого сорта, — он погладил себя по голове, — и третьего, — он погладил по голове Николюкина.

В это время в буфет зашёл Пешкин. Он подошёл к витрине и стал соображать, что бы купить ему на завтрак.

Пятый «А» так и замер. Слонов даже перестал жевать. Неужели этот Пешкин тоже прочитал в календаре про фосфор? А может быть, подслушал? Интересно, что он выберет? Вдруг он возьмёт тоже бутерброды с рыбой?

Взяв стакан киселя с булкой, Пешкин сел за столик и уткнулся носом в книжку. У пятого «А» отлегло от сердца: в киселе, как известно, нет фосфора, а Слонов начал снова энергично жевать, то есть готовиться к предстоящим соревнованиям, так что у него за ушами трещало.

Слонов жевал всю вторую перемену и третью, а на четвёртой он жевать почему-то перестал, он просто сидел за партой и выворачивал карманы.

— Слон, — прошептал пятый класс «А», — ты почему перестал готовиться?

— Деньги кончились, — сказал Слонов, разводя руками.

Так можно и проиграть, подумал пятый «А» и стал собирать деньги в складчину. Всем гамузом побежали в буфет и купили семь последних бутербродов с сёмгой, а ещё один выпросили у Кольки-футболиста (ему фосфор всё равно не нужен!).

Слонов принял бутерброды как должное и стал усиленно готовиться к матчу с Шарокиным не только на переменах, но даже и на уроках.

— А дома ты тоже будешь готовиться? — спросил Слонова пятый «А» после занятий.

— Не знаю... — неуверенно сказал Генка, — у нас сегодня, по-моему, мясной обед...

— Тогда идём готовиться к нам, — предложил радужный Костя Стрельцов, — у нас уха, папа вчера был на рыбалке...

— А вечером можешь готовиться у нас, — сказал гостеприимный Фима Цейтлин. — У нас мама нафаршировала щуку.

Генка Слонов охотно согласился. У Кости Стрельцова за обедом он «проработал» уху из ершей, а вечером у Фимы Цейтлина «усвоил» за ужином фаршированную щуку.

Утром следующего дня Генку в классе ожидал сюрприз. Под страшным секретным воззванием: «Все силы на фосфоризацию Слона!» — пятый класс «А» притащил в портфелях всякую всячину: и рыбные пироги, и бутерброды, и даже несколько банок консервов.

Генка Слонов всё сложил в парту, заявив при этом, что вообще-то он читал, что больше всего фосфора в чёрной и красной икре...

Пятый «А» сделал вид, что про чёрную икру он не расслышал и про красную тоже. А весёлый и находчивый Чуркин не удержался и сказал:

— Подумаешь, какой Стендаль нашёлся! «Красное и чёрное»! Усваивай, что дают!..

На последней перемене в пятый «А» зашёл «хор мальчиков» из пятого «Б» и так свистнул, что в классе задрожали стёкла, словно по улице проехал тяжёлый грузовик.

Хоровой свист означал, что Шарокин-Пешкин к бою готов.

— Минуточку! — придрался Слонов. — А почему свист издал не сам Пешкин?

— Потому — что он свистеть не умеет, — просто-душно признался «хор мальчиков».

— Так он и свистеть не умеет?

— Ладно, Мистер-свистер! — сказал Никодим из пятого «Б». — Ты здесь зря не дебатировуй, а иди де-бютируй!

— Что значит — иди? — неожиданно для всех заупрямился Слонов. — А может, теперь я ещё не совсем в спортивной форме...

От неожиданности пятый «А» просто ахнул, а непосредственная и вспыльчивая Наташа Киселёва взвилась чуть не под самый потолок.

— Что значит — не в форме? — закричала она. — Столько слоупал всякой вся-а-а...

Если бы пятый «А» не ахнул ещё раз, фосфорическая тайна выплыла бы наружу, тем более что «хор мальчиков» из пятого «Б» сразу же насторожился и спросил:

— Чего, чего он у вас слоупал?

— Я хочу сказать, — поправились Наташа, — столько проглотил всяких учебных пособий и не готов, видите ли!..

— Ладно, — сказал Никодим Слонову, — будешь готов — свисти!

Когда «хор мальчиков» из пятого «Б» закрыл за собой дверь, химик Гусев подошёл к Генке Слонову и сказал:

— Слушай, Слонов, по моим подсчётам, ты накопил в своей башке столько фосфора, что можешь легко стать чемпионом мира среди пятиклассников!

— А если я чувствую, что у меня в голове ещё немного не хватает... тогда что? — сказал Слонов и консервным ножом стал открывать марокканские сардины. — Вы же сами говорили, что Пешкин — очень серьёзный противник.

Пятый «А» вышел на совещание за дверь. Мальчишки и девчонки гудели, как трансформаторы.

— Просто ему понравилось готовиться! — шёпотом сказала вспыльчивая Наташа.

— А может, он ещё и вправду не нафосфорился?

— А как узнаешь? Вот в чём вопрос! — прогудел кто-то.

— Тише, ребята!.. Я знаю, как его проверить! Его надо завести в тем-но-ту! — прошептал химик Гусев.

— Зачем? — спросил пятый «А».

— Если он уже действительно нафосфорился, то он должен све-тись!

— Правильно! — сказал пятый «А». — Сделаем Слону «тёмную»!

«Тёмную» Слонову сделали в физическом кабинете, где был установлен волшебный фонарь для показа диапозитивов. За закрытой дверью, при выключенном фонаре специальная комиссия под руководством Гусева произвела придирчивый осмотр Генки Слонова на предмет свечения.

К сожалению, сколько комиссия ни паяла в темноте глаза на Генку, Слонов не светился. Секретное заключение комиссии было таково:

— Ввиду отсутствия свечения фосфоризацию Слонова продолжить!

— Ладно, — сказал Гусев Слонову, — так и быть, после уроков поведём тебя в рыбное кафе!

— Почему в рыбное? — спросил Слонов, глядя на Гусева мутными глазами. — Фосфор есть и в пирожных, и в шоколаде, и в какао!

— Идёт! — сказал Гусев. — Будет тебе какао! — и, забравшись на парту, он бросил клич, как Минин и как Пожарский: — Ребята, все деньги на разгром врага!

Тут же выяснилось, что лозунг был брошен вообще-то правильно, но Гусев не учёл одного: враг у пятого «А» был, а денег у пятого «А» на его разгром не было. Все деньги ещё утром были потрачены на рыбный фосфор. Деньги побежали занимать у добрых людей в пятом «Б». И добрые люди пятого «Б» дали деньги пятому «А» легко и просто (если бы знали, на что дают!!!). И фосфоризация Слонова вступила в заключительный период.

...На площади Моссовета в кафе «Отдых» официантка принесла Генке Слонову, Юре Гусеву и членам его «фосфорной комиссии» вазу с пирожными, шоколадом и какао, которые весёлый и находчивый Чуркин тихо обозвал «плодами просвещения»!

Генка Слонов стал заниматься ими и прорабатывать их, в то время как комиссия мужественно отвернулась.

А вечером Генка Слонов сидел за празднично накрытым столом у Тонечки Веховой и праздновал с родственниками день рождения её бабушки.

В это время «фосфорная комиссия» в полной темноте стояла на лестничной площадке и терпеливо ждала, когда Генка Слонов кончит заниматься, по словам Чуркина, своими «торторазработками». И конец, который бывает всему в жизни, наступил.

Генка Слонов появился на лестничной площадке и огласил её громким иканием. В ответ «комиссия» радостно и торжественно ахнула.

В крошечной тьме круглое и сытое лицо Слонова излучало мягкий фосфорический свет. Слонов светился, как циферблат от часов. Над его головой стояло сияние синего медицинского света.

Спускавшаяся сверху старушка оглянулась, сказала: «Свят! Свят! Свят!», перекрестилась и отвесила Слонову низкий поклон.

— Завтра матч! — вынесла приговор «комиссия».

«На маленьком шахматном поле большое искусство живёт»... — пели девчонки из пятого «А», сопровождая Генку Слонова на бой.

Рванув дверь пятого «Б», Слонов шагнул в комнату и после небольшой, но эффектной паузы свистнул. Это был художественный свист, в котором жажда боя и уверенность в победе сочетались с презрением к несветящемуся противнику. После этого Слонов с воинственным шумом потряс над головой шах-

матной доской, расставил фигуры, и сражение началось.

Первую партию Слонов проиграл Пешкину через десять ходов. Ошеломлённый пятый «А» вывел Слонова в коридор и спросил:

— В чём дело?

Под гнетущее молчание пятого класса «А» и под ликующие крики пятого «Б» Слонов долго анализировал что-то в своей голове, потом шмыгнул носом и произнёс одно-единственное загадочное слово:

— Стены!

— При чём здесь стены? — спросил пятый «А».

— А при том, что мы играли матч в пятом «Б», — пояснил Слонов, — а в пятом «Б» для Шарокина дом родной, а дома, как известно, и стены помогают!

— Ты не про стены говори, а говори про что предлагаешь!

— Предлагаю следующую партию играть в нашем классе!

— А ты в нашем классе выиграешь? — спросил пятый «А».

— Конечно, выиграю! Если к фосфору прибавить стены, ни один Пешкин не устоит!

Шахматную доску перенесли в пятый «А».

Вторую партию Слонов проиграл в помещении своего класса на девятом ходу... На этот раз Колю Шарокина бросились обнимать и друзья и враги. Потом его подбросили несколько раз под потолок и всей орущей компанией вынесли на руках из класса. И только «химик» Гусев никак не мог успокоиться. Уже одетый, с портфелем в руках, он всё-таки не удержался, чтобы не заглянуть в свой класс.

Тупо глядя на фигуры, Генка Слонов продолжал сидеть за шахматной доской, обхватив руками свою фосфорическую голову.

— Да! — сказал «химик» Гусев. — Видно, кроме фосфора, что-то ещё надо иметь в голове...

Л Е Т А Ю Щ А Я С О Б А К А

В один из выходных дней я сидел дома и ждал своего репетитора Мишку Шишкова, чтобы заниматься с ним по геометрии. Сидя за столом, я смотрел в учебник и тупо повторял одни и те же непонятные слова: «Свойство отрезков, пересекаемых параллельными прямыми на сторонах углов...» Зачем мне нужно было знать эти свойства отрезков, я никак не мог себе представить. Наверное, для того, думал я, чтобы только своими двойками не портить общую успеваемость класса.

В это время домой с базара вернулась моя мама. В руках у неё была сумка, набитая всякой всячиной. Теперь «свойства отрезков, пересекаемых зачем-то параллельными прямыми», меня перестали совсем интересовать. Теперь меня интересовало, что прине-

сла мама в своей сумке с базара. В кухню я пришёл как раз тогда, когда мама вытащила из сумки поллитровую банку, перевязанную пергаментной бумагой. Я пошмыгал носом и облизнулся как кошка. От банки пахло мёдом, но он был в какой-то странной упаковке.

— Это я тебе купила мёд в сотах, — объяснила мама, отбирая у меня банку.

Затем я узнал, что мёд в сотах очень полезен, потому что он неочищенный, в нём всякие витамины с пылью от цветов, и ещё сказала мама, что я его съем, когда я простужусь или заболею. Тут же на кухне я стал кашлять изо всех сил. А мама посмотрела на меня и сказала:

— Пожалуйста, не притворяйся. Иди учи уроки, а то Миша придёт с минуты на минуту.

Я нехотя поплёлся в столовую и сел за стол и, глядя в учебник, опять стал вслух кашлять, как мой дедушка, и тупо повторять:

— Если на стороне угла отложить от вершины равные отрезки... Кха-кха!.. Если на стороне... Кха-кха!

— Пожалуйста, — сказала мама, — не доказывай мне, что ты простудился, а доказывай теорему.

После этого она опять ушла из дома по своим делам. Оставшись в квартире один, я решил без маминого разрешения всё-таки полечиться этим мёдом в сотах, тем более что мне вдруг стало жарко — от простуды наверное... А Шишков всё не приходил. Войдя в кухню, я достал с полки банку, откупорил её, взял кусок мёда в сотах и сказал:

— Сейчас я тебя немного съем, потому что я себя плохо чувствую. — Это я сказал, конечно, сам себе неправду, но так у меня хоть было оправдание, почему я ем без спроса мёд. — Я себя плохо чувствую, — повторил я и... покраснел... Может, от температуры, а может, от того, что говорю сам себе неправду.

В это время в прихожей раздался звонок, это, конечно, припёрся совсем не вовремя Шишков. Я торопливо открыл рот, но в это время у меня над ухом кто-то зажужжал и влетел мне прямо в разинутый рот. «Неужели пчела?» — подумал я испуганно, чувствуя, что у меня во рту кто-то действительно летает. Наверно, эта пчела случайно оказалась в банке, а может, эту пчелу мама нарочно купила вместе с мёдом, чтобы она охраняла мёд. А тогда это вообще не пчела, а настоящая летающая собака. Всё это быстро пронеслось у меня в голове.

Застыв от испуга с разинутым ртом, я хотел было выплюнуть эту пчелу, но в это время она ужалила меня прямо в язык, с помощью которого я только что вслух врал самому себе, что я плохо себя чувствую. Я заорал от боли и чуть не уронил банку с мёдом на пол, но в это время Шишков уже не звонил, а колотил ногой в дверь, он, наверно, услышал мой крик и подумал, что у нас что-нибудь случилось. Быстро закрыв банку и поставив её на место, я ещё быстрее побежал к входной двери и стал открывать замок. При этом у меня во рту язык горел как ошпаренный.

— Что случилось? — спросил меня Шишков Мишка. — Ты чего орал?

— Это я за... занимался, — сказал я, чувствуя, как у меня во рту начинает что-то твориться с языком и что он у меня начинает как-то увеличиваться в размерах, что ли... При этом по щекам у меня текли слёзы.

— До слёз дозанимался? — спросил Мишка.

— До слёз, — ответил я, чуть не плача.

Кроме боли и всего такого, я первый раз в жизни почувствовал, что мне мой язык мешает почему-то разговаривать.

— Ты выучил задание? — спросил Мишка.

Он прошёл в комнату и положил на стол целую кипу книг, с которыми никогда не расставался. Я хо-

тел сказать, что, конечно, выучил, но у меня вышло «конечно фымучил», потому что во рту у меня творилось уже что-то ужасное!

— Сейчас проверим, выучил ты или вымучил, — сказал Мишка. — «Если на стороне угла отложим от его вершины равные отрезки, — сказал он, — и из точек деления проведём параллельные прямые до пересечения с другой стороной угла», то что?..

Я заглянул в книжку и незаметно для Мишки прочитал вслух:

— То и на этой фтороне уфла отлофутся рафные мефту фобой отрефки...

— Что это у тебя какая-то гречневая каша во рту? — сказал Мишка подозрительно.

— Какая каффа, — сказал я, — никакой грефневой каф-ф-фы...

— Может, овсяная? — спросил Мишка. — Ты что съел, что ли, что?

— Ка-кая офф-фяная? Фто я фъел? Ни фефо я не фъел! — возмутился я.

Но Мишка решил, что у меня во рту что-то всё-таки есть, поэтому скомандовал:

— Открой рот!

Я открыл рот. Мишка заглянул мне в рот и удивился, потом потрогал пальцем мой распухший язык и спросил:

— Что у тебя это?

Хватает грязными пальцами чужой язык да ещё спрашивает, что это...

— Как — фто?.. Ях-фых, — сказал я. — Яхфых!

— Какой яхфых? — спросил меня Мишка. Он, наверно, решил, что это не каша, конечно, у меня во рту, а какое-нибудь кушанье, что ли. — Чей яхфых?

Я хотел всё сказать, что это мой язык, а у меня всё получался то какой-то яхфых, то какой-то фыхых...

— Ну прожуй тогда и проглоти, — сказал Мишка, — свой фыхых.

С большим трудом я объяснил Мишке, что «фыхыхом» я называю свой язык и проглотить его не могу...

— Ладно, — смирился Мишка, — язык свой ты можешь называть хоть фыхыхом, хоть яхыфыхом, а теорема чтоб у тебя от зубов отскакивала. Повторяй за мной... «Если на стороне угла отложим от его вершины...»

Я смотрел на Мишку дурак дураком, потому что за это время у меня во рту мой язык ещё подрос и я чувствовал, что, кроме фы или хы, я вообще ничего не смогу произнести.

— Ну что ты молчишь? — спросил меня Мишка. — Повторяй!..

Тогда я решил Мишке объяснить, что сегодня ему вообще лучше со мной не заниматься и что лучше перенести наше занятие на другой день. Потому что... И вот этим «потому что» я всё окончательно испортил.

— Фыфифаеф, Фифа Фифкоф, — сказал я медленно, что означало: «Понимаешь, Миша Шишков».

Потом я хотел рассказать, как меня укусила пчела, которую я назвал летающей собакой, и что у меня от этого распух язык, но Мишка разобрал только четыре слова: «Фыфифаеф, Фифа Фыфков» и «фобака», а всё остальное я и сам не разобрал, что я сказал.

— Кто фифа? Я фифа? — разъерепенился Шишков. — Кто фобака? Что за фыфифаеф? Я ничего не фыфифаю! К нему приходят заниматься, а он обзывается всякими фифами, фобаками и какими-то фыфифахами... Сейчас же возьми все свои фыфифахи обратно или... или я тебе сейчас как дам по твоей дурацкой башке!

И Мишка поднял в воздух целую кипу книг, которую он всегда таскал с собой. Между прочим, в этой кипе были два тома Большой советской энциклопедии.

— Берёшь свои слова обратно или нет? — заорал снова на меня Мишка.

— Я не могу взять свои слова обратно, — промычал я на своём фыфифахском языке, — потому что у меня язык растёт!

— А мофги у тефя не рафтут? — заорал на меня Мишка, тоже почему-то неправильно выговаривая слова.

Мне эта Мишкина мысль понравилась, что, если пчела укусила бы меня в голову и у меня стали бы расти мозги, я был бы умнее Мишки.

— Ты берёшь свои слова обратно или нет? — спросил снова Мишка.

Я бы, конечно, с радостью взял свои слова обратно, но к этому времени у меня язык настолько вырос и распух, что уже перестал и вовсе помещаться во рту. Его кончик вдруг сам по себе взял и вылез наружу. Поэтому я и сидел молча с высунутым языком и смотрел как дурак на Мишку.

— Так, — сказал Мишка, — вместо того, чтобы извиниться, ты ещё мне язык показываешь?.. Спрячь язык!.. Кому говорят: спрячь!..

Я попробовал выполнить Мишкину просьбу, но у меня из этого ничего не вышло. За это время, пока я пытался спрятать язык обратно в рот, язык подрос у меня ещё немного и высунулся ещё больше.

— Ну знаешь? Это уже издевательство. Считаю до трёх, — сказал угрожающе Мишка, — не спрячешь, получишь по зубам!

Пока Мишка считал до трёх, я успел написать в тетрадке, что меня укусила пчела в язык, и показал это Мишке.

С криком: «Что же ты молчал раньше!..» — Мишка подбежал к цветку, стоявшему на подоконнике, зачерпнул из горшка целую горсть земли, потом полил её водой из графина и, подбежав ко мне, стал почему-то совать эту мокрую землю мне в рот. Тогда я выплюнул эту землю в горсть и стал совать

эту землю Мишке в рот. Тогда Мишка дал мне по башке, а я ему дал по зубам.

— Так, — раздался в дверях мамин голос, — значит, кулаками доказываете друг другу теорему?

Драться мы сразу же перестали. А я сидел молча на полу весь перепачканный землёй, с высунутым языком.

— Валентин, — сказала мама, — что это у тебя за гадость торчит изо рта? Сейчас же выплюнь!

— Это не гадость, это у него язык, — объяснил Мишка, — его пчела укусила... А я ему в рот землю...

— Зачем же ты это сделал, Миша? — спросила мама.

— А меня в деревне один раз пчёлы кусали, и бабушка мне мокрую землю прикладывала по народной медицине; — объяснил Мишка.

— Сначала надо жало вытащить, — сказала мама.

Она прополоскала мне рот и вытащила жало и, погладив по голове, сказала:

— Вот видишь, этот мёд тебя должен лечить, а теперь ты из-за него будешь болеть... — И добавила: — Не хнычь, пожалуйста, укусы пчёл вообще-то полезны...

К вечеру язык у меня перестал болеть. С Мишкой мы помирились и на другой день занимались как ни в чём не бывало.

А насчёт того, что укусы пчёл полезны, мама оказалась права. Потому что больше я никогда и никому не говорил неправду. Потому что, когда я хотел что-нибудь соврать, я чувствовал, как у меня во рту моментально начинает распухать язык, как будто меня снова пчела в язык ужалила.

А вас, ребята, никогда пчела в язык не жалила?.. Смотрите, будьте осторожны!!!

СОДЕРЖАНИЕ

ТИРЕ-ТИРЕ-ТОЧКА	3
ФОСФОРИЧЕСКИЙ МАЛЬЧИК	47
ЛЕТАЮЩАЯ СОБАКА	57

Медведев В. В.

- М42 Тире-тире-точка. Повесть и рассказы. Рис.
А. Тамбовкина. М., «Дет. лит.», 1973.

64 с., с ил. (Книга за книгой)

В книгу вошли: маленькая лирическая повесть «Тире-тире-точка» уже издававшаяся, и два новых весёлых рассказа: «Фосфорический мальчик» и «Летающая собака».

Читатели знают Валерия Владимировича Медведева как автора популярной книги «Баранкин, будь человеком».

М 0762—388
101(03)73—216—73

Р2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1973 году вышли
и выходят в свет книги:

Драгунский В. КРАСНЫЙ ШАРИК В СИНЕМ НЕБЕ.

Весёлые рассказы о мальчике Дениске

Воскресенская З. «РОТ ФРОНТ».

Рассказы о юных пионерах

Фадеев А. МЕТЕЛИЦА.

Отрывок из романа «Разгром»

Водопьянов М. ШТУРМАН ФРОСЯ.

Рассказы о Великой Отечественной войне.

Эти книги по мере выхода в свет можно приобрести
в магазинах Книготорга и потребкооперации.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Валерий Владимирович Медведев

ТИРЕ-ТИРЕ-ТОЧКА

Ответственный редактор Л. Г. Тихомирова. Художественный редактор М. Д. Суховцева. Технический редактор В. К. Егорова. Корректор В. К. Мирингоф.

Сдано в набор 26/II 1973 г. Подписано к печати 4/VI 1973 г. Формат 60×90/16. Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 4. Уч.-изд. л. 3,08. Тираж 600 000 экз. Заказ № 268. Цена 11 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.